

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Н.А. Еськова. Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: Языки славянских культур, 2011. 648 с.

Выход в свет книги избранных работ Наталии Александровны Есковой – событие, значимость которого поистине невозможно переоценить. С одной стороны, не только «простым читателям», но и профессиональным лингвистам бывает нелегко уследить за многочисленными публикациями Н.А. Есковой – неутомимого просветителя и бесстрашного борца с некомпетентностью и небрежностью во всех их проявлениях: публикации эти разбросаны по самым разным, порой далеким от лингвистики и филологии газетам и журналам, между тем как во многих из них ставятся и разрешаются по-настоящему важные научные вопросы. С другой стороны, как кажется, именно теперь – с появлением словаря норм русского литературного языка XVIII–XIX вв. [Еськова 2008], сразу ставшего настольной книгой десятков и сотен специалистов по истории русского языка, акцентологии, стилистике и другим дисциплинам, и рецензируемого сборника – открывается возможность по-настоящему оценить масштаб лингвистической деятельности Н.А. Есковой и достигнутые ею результаты.

В сборник вошло около 80 работ – статей, замсток, рецензий, мемуарных очерков и сочинений вне жанра, включая знаменитую в кругах фонологов «Печальную повесть о j-ике». Работы распределены по трем основным разделам – «Фонология. Морфонология. Морфология», «Орфография» и «Лексикография» – и трем приложениям: «Разные темы», «Воспоминания, переписка» и «Курьезы». Позволим себе рассматривать шесть рубрик, из которых состоит книга, от конца к началу.

Раздел «Курьезы» содержит как собственно лингвистические сюжеты: о смешении слов *ванна* и *ванная*, о сочиненной лексикографами на основе формы множественного числа диалектного слова *сило* «силок» – *силья* – несущей

существующей лексеме *силья*, об обнаруженном В.И. Беликовым в новом издании «Большого академического словаря» «термине» *госсемантика* и др., – так и сюжеты общекультурные, касающиеся вечной путаницы между А.К. и А.Н. Толстыми, а также Шубертом и Шуманом.

Раздел «Воспоминания, переписка» включает в себя воспоминания о С.И. Ожегове (краткие, но чрезвычайно содержательные и «самые настоящие» – несмотря на подзаголовок, начинающийся словами «Вместо воспоминаний...»), А.А. Реформатском, памяти которого посвящена книга, и С.М. Бонди, а также переписку Н.А. Есковой с М.В. Пановым. Как справедливо отмечает автор, эта переписка «лингвистически содержательна и может представить интерес для “историка науки XXI и сл. веков”» (с. 611).

Раздел «Разные темы» начинается в высшей степени интересной замсткой «Какие это варианты? (Неумеха и неумёха. Ионыч)». В первой части заметки Н.А. Еськова показывает, что слова *неумеха* и *неумёха* являются не производными (подобно, например, паре *маневр* ~ *манёвр*), а морфологическими вариантами:

«уме-ть – не-уме-ха (с сохранением гласной *e*)

уме-ть – не-ум-ёха (с усечением гласной *e*)» (с. 547).

Во второй части анализируется словообразовательная структура отчества *Ионыч*. Согласно предположению Н.А. Есковой, эта форма представляет собой разговорный вариант отчества *Ионович* (ср. *Иваныч* < *Иванович* и т.д.), рано вытеснившего ожидаемую по общим правилам форму *Ионич*. В подтверждение точки зрения Н.А. Есковой можно привести два соображения. Во-первых, уже в середине XIX в. встречаются примеры соотноситель-

ного отчества *Ионовна*, ср. «няню Ионовну» в «Сатирах в прозе» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Во-вторых, именно такое происхождение варианта *Ионыч* явствует непосредственно из текста одноименного чеховского рассказа: обращаясь к Старцеву «Дмитрий Ионыч», Котик улыбается, вспоминая, «как смешно звали Писемского: Алексей Феофилактыч!».

Отметим еще две работы, вошедшие в тот же раздел. В заметке «К текстологии “Доктора Живаго”» показано, что один из эпизодов романа Б.Л. Пастернака – разговор Веденяшина и Выволочнова – печатается с неверным разделением на реплики: сначала два, а несколько ниже три идущих подряд высказывания спорящих оказываются соединены в одно, так что диалог теряет всякую логику. Отдавая должное филологической зоркости Н.А. Еськовой, нельзя в очередной раз не удивиться «темноте» пастернаковского романа, вследствие которой несомненная нелепица на протяжении многих десятилетий ускользала от внимания читателей и исследователей. В заметке «Коварная инверсия (о повторяющихся ошибках при воспроизведении двух классических текстов)» обсуждаются причины многократного неверного цитирования строк стихотворения А.С. Пушкина «Портрет»: «Как беззаконная комета // В кругу *расчисленных* светил» (вместо правильного «расчисленном») – и поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин»: «...Посвятить любимый труд // *Павшим* памяти священной» (вместо правильного «павших»). Согласно тонкому наблюдению Н.А. Еськовой, обе эти ошибки провоцируются использованием поэтами инверсии: при «редактировании» получаются сочетания с тривиальным для русского языка порядком слов *расчисленных светил, посвятить павшим*.

Значительное большинство работ, составляющих раздел «Лексикография», так или иначе связано с многолетней работой Н.А. Еськовой – в том числе как автора важнейшего раздела «Сведения о грамматических формах» – над «Орфоэпическим словарем русского языка» под редакцией Р.И. Аванесова, который, по справедливой оценке А.А. Зализняка, «был и остается самым авторитетным и самым детализированным источником сведений по русской литературной норме в области словоизменения» [Зализняк 2003: 3]. Особое место в истории «Орфоэпического словаря...» занимает его знаменитое пятое издание [ОСРЯ 1989], в которое во многом именно усилиями Н.А. Еськовой был внесен целый ряд исключительно ценных изменений и дополнений по сравнению с первоначальным вариантом [ОСРЯ 1983].

Открывает раздел давняя (1972 г.) большая статья «О принципах составления русского нормативного словаря орфоэпического типа».

В этой статье Н.А. Еськова обосновывает свой подчеркнуто далекий от пуризма подход к подаче в нормативных словарях реально употребляемых языковых вариантов. Обращают на себя внимание также темпераментные возражения автора против характерного для многих исследователей противопоставления «научности» и «нормативности» (с. 461–462). Действительно, именно Н.А. Еськова наряду с А.А. Зализняком может быть названа ярчайшим представителем собственно научного подхода к нормативной лексикографии, при котором ставится задача не «запретить» те или иные широко распространенные в речи варианты или «предписать» употребление форм, полностью устаревших или просто несуществующих, а по возможности полно изучить механизм языковых явлений, подлежащих отражению в словаре и, соответственно, регламентации. Перечислим лишь несколько чрезвычайно сложных проблем русской грамматики, рассматриваемых Н.А. Еськовой в данном разделе:

- акцентуация кратких форм мн. ч. прилагательных с подвижным ударением типа *близки, дружны, нежны, чисты, ясны* и т.д. (с. 464–465);

- словарная подача прилагательных, в разных значениях имеющих разные грамматические характеристики (с. 492–498; в статье рассматриваются прилагательные *знакомый, соленый, целый*);

- формы второго родительного падежа существительных (типа *стакан чаю, добавить сахарку, спору нет* и т.п.) и их лексикографическое отражение (с. 499–506);

- формы второго предложного падежа существительных (типа *в саду, на кону, в тени* и т. п.) и их лексикографическое отражение (с. 506–511);

- наличие в русском языке обширной и неоднородной группы прилагательных, свободно образующих краткие формы, но не имеющих формы сравнительной степени, – таких, как *аналогичный, крылатый, готовый, похожий, вакантный, приблизительный, факультативный* и мн. др. (с. 519–521).

Разумеется, не во всех случаях решения, предлагаемые автором книги, могут быть приняты без оговорок. Так, вопрос о закономерностях употребления в русском языке форм второго родительного падежа (партитива) и второго предложного падежа (локатива) и их эволюции требует дальнейшего подробного исследования с привлечением максимального широкого круга данных. Подход Н.А. Еськовой, предполагающий трактовку очень значительного числа форм партитива и локатива как фразеологически связанных, в какой-то мере оправдан лексикографически, но все же, на наш

взгляд, не отражает действительного положения дел (при этом другая крайность – попытка чисто семантической интерпретации форм локатива, предпринятая в [Плунгян 2002], – также представляется нам неубедительной). В первую очередь это относится к формам паритива, степень распространенности которых как в устной, так и – в еще большей степени – в некодифицированной письменной речи (в частности, в Интернете) чрезвычайно велика. Так, для формы *из Парижу* – одной из тех, которые Н.А. Еськова не считает возможным рассматривать «даже в качестве “отрицательного” языкового материала» (с. 506) – в Интернете обнаруживается более 50 000 ссылок, причем многие примеры (типа *Подскажите, как добраться из Парижу в Рим?*) не производят впечатления ни рассчитанных на комический эффект, ни написанных малограмотными людьми.

Основное место в разделе «Орфография» занимают работы Н.А. Еськовой – как нормативные, так и чисто исследовательские, – посвященные нескольким «вечным» и остродискуссионным проблемам русского правописания: слитному / раздельному / дефисному написанию сложных слов и некоторых групп приставочных имен, написанию одной и двух букв *и* в суффиксах причастий и отглагольных прилагательных, употреблению буквы *ё*, использованию буквы *э* при передаче иностранных заимствований, правилам переноса. Сильное впечатление производит название одной из работ – «О недостаточности действующего правила употребления **так называемой** (выделено нами. – И. И.) буквы *ё*». Отдельного упоминания заслуживает статья «Из истории русской орфографии», содержащая ряд интересных и по большей части малоизвестных сведений о дискуссиях ученых и писателей XVIII–XIX вв. относительно «лишних» букв русского алфавита, устраненных из него после реформы 1918 г., и общих принципов, на которых должна строиться орфографическая система. Помимо всего прочего, в статье дается заслуженно высокая оценка лингвистических трудов одного из самых талантливых и одновременно самых «невезучих» русских поэтов и ученых XVIII века – В.К. Тредиаковского.

...В упоминавшейся выше переписке автора книги с М.В. Пановым есть замечательный эпизод: получив от М.В. Панова анкету о Московской лингвистической школе, Н.А. Еськова сообщила своему корреспонденту, что «не в состоянии ответить ни на один вопрос, так как не понимает, что такое МЛШ» (с. 611). Не менее замечателен и взятый из высоко ценимого Н.А. Еськовой Г.О. Винокура эпиграф к книге, речь в котором идет об исследователе, стремящемся «проникнуть в верхний этаж прямо

с мостовой или через крышу» (имеется в виду здание науки, первый этаж которого составляет описание фактов, а второй – их теоретическая интерпретация). Это не значит, что Н.А. Еськова вовсе избегает обсуждения теоретических вопросов, да едва ли это и было бы возможно для ученицы А.А. Реформатского, как известно, уделявшего проблемам лингвистической теории первостепенное внимание. И все-таки и отказ отвечать на составленную М.В. Пановым анкету, и выбор эпиграфа ко всему сборнику, разумеется, не случайны. Пожалуй, главный исследовательский дар Н.А. Еськовой умение, подвергнув скрупулезному анализу какую-либо область языка, давно считающуюся «изученной вдоль и поперек», обнаружить как множество ранее не учитывавшихся языковых фактов, так и неадекватность существующего описания фактов, уже известных. Именно такие работы составляют основную часть первого раздела книги, именно на них в первую очередь зиждется – не побоимся этого слова – слава Н.А. Еськовой как лингвиста. Перечислим наиболее значимые из этих работ (их названия, как правило, говорят сами за себя): «Образование синтетических форм степеней сравнения в современном русском литературном языке», «О морфологических и морфонологических соотношениях между флексиями родительного падежа множественного числа существительных в современном русском языке», «К морфологии русского императива (форма второго лица единственного числа)», «Формальные особенности некоторых предложных сочетаний с местоименными словами», «Первообразные и непервообразные предлоги. Формальный аспект», «Устройство парадигм глаголов непродуктивного класса с инфинитивом на *-нуть*». Кажется невероятным, что до появления соответствующих работ Н.А. Еськовой оставались неизвестными многие закономерности образования форм сравнительной степени прилагательных и повелительного наклонения глаголов, правила сочетания предлогов с местоимением *друг друга*, условия употребления так называемых припредложных форм местоимения *он (него, нему, ней* и т.д.) и другие, не менее существенные, вопросы русской грамматики. Между тем дело обстоит именно так.

Многие описательные работы, вошедшие в раздел «Фонология. Морфонология. Морфология», в той или иной степени содержат и нормативные рекомендации, нередко основанные на количественных подсчетах. Поскольку эти подсчеты делались в основном до появления Интернета – в первую очередь по материалам советской и позже российской прессы, кажется полезной и необходимой их верификация с учетом современных компьютерных ресурсов.

В большинстве случаев такая верификация подтверждает правоту автора, но имеются и исключения. Так, Н.А. Еськова рассматривает предлог *напротив* в числе предлогов, для которых характерна постановка перед местоимением *друг друга*, а не между его частями (с. 217). Однако по данным Интернета варианты *друг напротив друга* и *напротив друг друга* употребляются примерно с одинаковой частотой, а в Национальном корпусе русского языка довольно заметно преобладает интерпозиция предлога (59 примеров против 30).

Большинство рекомендаций, содержащихся в статье «Склонение фамилий и личных имен в русском языке», благодаря взвешенной позиции автора опять-таки выглядит вполне обоснованным. В частности, Н.А. Еськова справедливо называет «излишне категоричным» запрет на несклонение личного имени в номинациях типа *Жюль Верна, Вальтер Скотт, о Робин Гуде* и т.п. (с. 260). Однако в нескольких случаях дело обстоит иначе. Так, требование склонять грузинские фамилии на *-ая* – *Шенгелая, Гурикая* и т.п. (с. 256) – находится в разительном противоречии с реальной практикой и должно быть как минимум смягчено. Отстаивая для формы творительного падежа псевдонима русского поэта И.В. Лотарева написание *Северянином*, Н.А. Еськова сама отмечает: «Отсутствие указаний в справочных пособиях привело к широкому распространению варианта *Северяниным*. Материал, полученный из Интернета, даст значительный перевес таких написаний...» (с. 254). На наш взгляд, дело здесь не в «отсутствии указаний в справочных пособиях» (тем более, что в четвертом издании «Грамматического словаря русского языка», включающем и имена собственные, соответствующее указание имеется [Зализняк 2003: 768]), а в интуиции носителей языка, осознающих – вопреки мнению Н.А. Есковой – превращение существительного *северянин* в псевдоним как «приглашение» склонять его по образцу фамилий на *-ин*. Неоспоримым доказательством этого служат – не гипотетические, а вполне реальные – формы множественного числа фамилии *Северянин*, неизменно имеющие вид *Северянины, Северяниных* и т.д. (не **Северяне, *Северян!*), признаваемые и А.А. Зализняком [Там же]. Таким образом, рекомендация Н.А. Есковой и А.А. Зализняка предписывает для псевдонима *Северянин* невозможную ни для нарицательных существительных на *-анин, янин*, ни для русских фамилий на *-ин* гибридную парадигму вида *Северянин – Северянином – Северянины*, так что использование варианта *Северяниным* следует признать оправданным и логичным.

Совсем неудачной – и в теоретическом, и в описательном, и в нормативном аспектах –

представляется данная в статье «Механический акцентный сдвиг как причина дефектности парадигм в русском литературном языке» интерпретация случаев неупотребительности у некоторых глаголов форм императива и страдательных причастий (с. 206–208). Распространяя на глагольные парадигмы важный и в целом совершенно бесспорный тезис о том, что причиной несвободного образования и даже полной неупотребительности некоторых словоформ может являться автоматический сдвиг ударения на слог влево (ср. **башок, *кайм, *мечт, *голуб, *озорён* и т.д.), Н.А. Еськова не учитывает, что употребительность форм императива и страдательного причастия в гораздо большей степени, чем это имеет место для надежных форм существительных и даже для кратких прилагательных, определяется собственно-семантическими факторами. В результате, например, довольно распространенная, особенно с отрицанием (пусть и производящая несколько странный стилистический эффект), форма *убойся* объявляется «неупотребительной», тогда как «свободно образусмая», по Н.А. Есковой, форма *настойся (в очередях)* в действительности вообще не существует: нам не удалось найти ни одного случая ее употребления. Причастия *слизнутый* и *вспугнутый* перечисляются через запятую как безусловно употребительные, однако если второе из них действительно встречается в десятках тысяч текстов, то первое представлено всего несколькими – и явно нелитературными – примерами. Это легко объяснить: использование причастия *слизнутый* в прямом значении практически непредставимо, а в переносном («неоправданно, “пиратски” заимствованный») оно заменяется синонимичной формой *слизанный* (ср. *Репертуар, полностью слизанный у всех понемногу* (Интернет)). То же самое касается, скажем, «представляющихся сомнительными» причастий *сболтнутый* и *оттолкнутый*: первое из них опять-таки не существует, поскольку не может встретиться ни в каком правдоподобном контексте, тогда как для второго можно указать несколько сотен (или даже тысяч) реальных примеров.

Вызывают сомнения и некоторые другие теоретические положения, отстаиваемые автором. Так, нам уже доводилось [Иткин 2005: 55–56] полемизировать с излюбленным тезисом Н.А. Есковой о том, что *й* в русском языке является морфонологически твердым согласным (с. 81, 158). Это утверждение основывается на правиле выбора окончаний род. II. мн. ч. существительных II склонения: флексия *-ов* выбирается после твердых согласных (кроме шипящих) и *й*, флексия *-ей* – после мягких и шипящих. Однако отсутствие форм типа **краей, *стульев, *платьей* вызвано не «морфо-

нологической твердостью» согласного й, не находящей себе в русском языке решительно никакого подтверждения, а стремлением избежать употребления на границе основы и аффикса двух одинаковых согласных [Марков 1974: 60], точнее, последовательности C_1VC_1 : данное явление характерно и для многих других точек русской морфологической системы [Иткин 2005; 2010] (к сожалению, в 2005 г. работа В.М. Маркова не была нам известна).

Напротив, примером несомненной именно теоретической удаи представляется статья «К интерпретации некоторых фактов русской глагольной морфологии». В этой статье, опубликованной в 1989 г. в журнале «Вопросы языкознания», была в высшей степени убедительно продемонстрирована плодотворность подхода к структуре русских глагольных словоформ, основанного на признании их «принципиальной трехчленности» (разрядка Н.А. Еськовой. – И.И.) в соответствии со схемой «основа – тематическая морфема – окончание» (с. 220). В статье рассматриваются морфологические особенности таких глаголов, как *рвать* (и другие того же типа), *реветь*, *спать*, *пеленать*, *сыпать*, *мерить*, *мучить*, *ездить*, глаголы на *-шибить* и *вергнуть* и др. Основной тезис, выдвинутый Н.А. Еськовой, – «...Большинство нерегулярностей русской глагольной морфологии может быть отнесено за счет нерегулярного использования тематических элементов» (с. 221), – не просто совершенно справедлив: как мы старались показать [Иткин 2007: 124–131], он допускает и более категоричную формулировку с заменой слова «большинство» на слово «все».

Невозможно не сказать о том, что собственно качество издания далеко не соответствует содержанию сборника и его научной значимости. Текст изобилует опечатками; иногда они просто вызывают досаду: так, непосредственно в оглавлении в названии статьи «О “неточностях” Осипа Мандельштама» вместо «неточностях» напечатано «неточостях» (с. 10), – иногда по-настоящему затрудняют восприятие текста, ср. «соотношение *сыпет* – *сыпят*» вместо «...*сыпет* – *сыпят*» (с. 225) или «две эпиграммы из М.Т. Каченовского» вместо «...на М.Т. Каченовского» (с. 364). Практически нечитаемыми получились многие фотографии газетных и журнальных страниц (см. особенно с. 365–372). В завершающем книгу «Списке основных публикаций» Н.А. Еськовой не указано, какие из них перепечатаны в сборнике, а какие по-прежнему необходимо выискивать в труднодоступных периодических изданиях. Остается надеяться, что все эти недостатки будут устранены при подготовке второго издания этой замечательной книги.

Года два назад в одной интернет-дискуссии, посвященной критериям включения в «Википедию» статей о тех или иных людях, автор этих строк обнаружил эмоциональный призыв: «...Тогда уж извольте представить нам Еськову...». Безусловно, настоящий исследователь работает не ради удовольствия прочитать о себе статью в энциклопедии (бумажной или электронной)... и тем не менее огорчительно сознавать, что этот *vox populi* до сих пор остается неслышанным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Еськова 2008 – Н.А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008.
- Зализняк 2003 – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. 4е изд., испр. и доп. М., 2003.
- Иткин 2005 – И.Б. Иткин. Об одном ограничении на сочетаемость суффиксов с основой в современном русском языке // Славяноведение. 2005. № 4.
- Иткин 2007 – И.Б. Иткин. Русская морфонология. М., 2007.
- Иткин 2010 – И.Б. Иткин. В чем виноват фальшивомонетчик? (словообразовательные метаморфозы *potina agentis* на *-чик*) // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: к 50-летию научной деятельности Софии Константиновны Жарницкой. М., 2010.
- Марков 1974 – В.М. Марков. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
- ОСРЯ 1983 – Р.И. Аванесов (ред.). Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1983.
- ОСРЯ 1989 – Р.И. Аванесов (ред.). Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. 5-е изд., испр. и доп. М., 1989.
- Плунгян 2002 – В.А. Плунгян. К семантике русского локатива («второго предложного» падежа) // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002.

И.Б. Иткин

Сведения об авторе:

Илья Борисович Иткин
Институт востоковедения РАН,
школа «Муми-Троль»
isv@gol.ru